

The background of the cover is a textured, dark purple and brownish-grey surface. A large, white, cross-shaped symbol is centered on the page. The illustration depicts a group of Roman soldiers in profile, facing right. They are wearing helmets and carrying spears. A prominent banner with a gold cross on a purple and red background is visible in the upper right. The overall style is reminiscent of a historical painting or a detailed illustration.

А. Гено

ФЕЛИНИС

ПОВЕСТЬ

Из истории гонений христиан при Домициане

САТКСЪ

Анри Гено

**Фелинис. Повесть из истории
гонений христиан при Домициане**

Православное издательство "Сатись"

Гено А.

Фелинис. Повесть из истории гонений христиан при Домициане /
А. Гено — Православное издательство "Сатись",

ISBN 978-5-7868-0091-1

По благословию Архиепископа Пермского и Соликамского АФАНАСИЯ
Действие повести происходит в Риме при Тите Флавии Домициане, последнем
императоре династии Флавиев (81–96 гг.), правление которого было отмечено
преследованиями христиан.

ISBN 978-5-7868-0091-1

© Гено А.

© Православное издательство "Сатись"

Содержание

В римской долине	6
Случайная встреча	15
Перевязка раны	24
На Латинской дороге	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анри Гено

Фелинис

*Повесть из истории гонений
христиан при Домициане*

* * *

© Из-во «Сатисъ», оригинал-макет, иллюстрации, оформление, 1996

* * *



В римской долине

То было утром, в один из последних апрельских дней 95-го года после Рождества Христа.

Полумрак еще окутывал землю. Рим с непрерывным блестящим поясом своих загородных вилл представлял из себя в этот час для взора лишь нежную массу бесформенных предметов, и свет еще недостаточно обрисовывал их контуры.

Наконец, мрачная пелена, висевшая над природой, мало по малу разорвалась. День побеждал последние тени, прогоняя ночные светила, небо загоралось на востоке, крыши домов и дворцов, волны Тибра, вершины гор, все заблестело золотом и пурпуром. Пение птиц приветствовало восход солнца. Однако, Вечный город и вся та местность, где обрисовывалась его гигантская окрестность, оставались отчасти молчаливыми и как будто спящими: «Великая Грешница», казалось, отдыхала, как это бывает на другой день после оргии. Только кое-какие рабы стали показываться вокруг роскошных вилл.

В виде исключения, надо отметить местность по направлению к Лаврентии, Остии и Церам; в отличие от местности на севере, заключенной между Тибром и холмом Садов, там движение и жизнь предупредили зарю.

В тот момент, когда солнце поднимало свой широкий огненный диск над горизонтом, по направлению к северу, где все было погружено в безмолвную дремоту, показались два человека. Их фигуры, стоявшие неподвижно на вершине одной возвышенности, обрисовывались на голубом небе; с того места взгляд мог обнять раскинувшуюся громаду царственного города. Холм, на котором они стояли, был совершенно пуст; неясный шум, доносившийся со стороны города и похожий на жужжание отдаленного улья, рев Тибра, катящего невдалеке свои желтые воды, вздущиеся от таяния апеннинских снегов – вот единственные звуки, долетавшие до слуха незнакомцев.

Они остановились подле лавровой рощи, которая окружала маленький храм, посвященный Аполлону, и увенчивала холм. Эти два чужеземца олицетворяли собой две крайности человеческой жизни: один был юн, а жизнь другого уже клонилась к концу.



Последний, выдававшийся своей высокой фигурой, имел изнуренное, иссохшее тело; его длинные члены, целиком из костей и мускулов, свидетельствовали о силе, которая, казалось, была еще значительной. Его лицо было сморщено, как кора старого дерева; черты его были умны и выразительны, и продолговатая голова была наполовину лысая. Серые глаза старика блистали ярким огнем; его физиономия, обыкновенно спокойная, бесстрастная, по временам, однако, сжималась и принимала характер непоколебимости и даже суровости.

Этому человеку было около семидесяти лет. При взгляде на него, на его суровую внешность, легко было угадать, что он подвергался многочисленным испытаниям и тяжелым трудам. Его стан оставался, однако, прямым и сильным; его можно было сравнить со старым дубом из античных лесов; лишенный своей роскошной зелени ветвей, он все еще горделиво поднимает свою непокорную голову пред грозой и ударами молнии.

Спутник старика своим видом и сам собою представлял поразительный контраст с человеком, портрет которого мы только что набросали. Он был невысок и тонок, однако, его нежные формы отличались гармоничностью и изяществом. Он казался таким хрупким, таким нежным на первый взгляд, что если бы не костюм, его можно бы принять за женщину. Но при более внимательном наблюдении, в нем можно было скоро заметить недюжинную силу, соединенную с редкою гибкостью, проявлявшейся в эластичности каждого его движения. Его густые волосы небрежно падали на плечи; его руки и ноги были удивительной красоты; черты лица, в высшей степени умные, не поддавались изучению благодаря своей подвижности, не позволявшей постигнуть тайны его души. Черные и томные глаза его прикрывались черными ресницами; цвет лица был мраморно-бледен. Внешность этого молодого человека, которому было самое большее лет 26, дышала небрежностью и равнодушием. Он носил по кольцу на каждой руке и платье рабов, но казался довольным и в этом одеянии.

Старика, напротив, казалось, стесняли дорогие одежды, какие обыкновенно носят граждане Верхней Италии. По виду можно было подумать, что он господин этого молодого человека.

Столь различная одежда этих двух чужеземцев была вся покрыта пылью – явное доказательство, что как один, так и другой пришли издалека. Они, видимо, шли всю ночь, как бы желая скорее прийти к цели, к которой стремились, или, избегая дневной жары.

Но, несмотря на очевидную усталость, они и не думали об отдыхе. Молча рассматривали они город цезарей. При виде его старик переменился в лице; черты его приняли вид жестокости и взгляд его дико заблестал.

После минутного немного созерцания, он простер свою иссохшую руку к городу и сказал своему спутнику:

– Сын Масмена, ты видишь перед своими глазами ту знаменитую столицу, о которой ты так давно мечтал.

– Так это – Рим!.. – нервно прошептал молодой человек.

– Да, это – Рим! Это он, который мы ненавидим всеми силами души. Посмотри: перед нами поднимается гора Капитолий с его горделивым монументом. Там начальники побежденных народов подвергались ужасным оскорблениям; там сложена отнятая военная добыча со всего мира. У основания цитадели развертывается Форум, некогда центр гибельного могущества, раздавившего народы под своим железным скипетром. Налево от нас поднимаются знаменитая резиденция Цезарей и проклятый амфитеатр Флавиев. Теперь мы у цели нашего путешествия. Это говорил человек, видимо глубоко ненавидевший Рим, что явно и выражалось в его речи и во всем его существе.

Лицо молодого человека, по имени Фелинис, омрачилось от слов старика. И указывая на здание, верх которого был освещен, он спросил:

– Что это за здание, Кермор, возвышается над соседними домами там, внизу, по направлению к Форуму?

При этом вопросе взгляд старика засверкал, и он сказал охрипшим голосом;

– Клянусь, Фелинис, что в этом проклятом городе, который ты видишь в первый раз, сами боги указывают тебе это здание, пробуждающее в нас грустные воспоминания.

– Так это там? – прошептал молодой человек, нахмурясь.

– Да, – отвечал Кермор, – это дворец Флавиев, принадлежавший когда-то Плавциям. Видишь ли ты другой дом, немного далее?

– Что это?

– Это несчастная резиденция Фульвия. Там когда-то я получил тебя из рук твоей несчастной матери; я унес тебя из Рима и спас, воспитав тебя для мести.

При этих словах Фелинис задрожал, взгляд его мрачно блеснул, лоб нахмурился, и он уже с волнением и молча продолжал рассматривать старое жилище Плавциев, дом Фульвия, Капитолий, императорский дворец и амфитеатр Флавия.

Кермор, в свою очередь, тоже погруженный в глубокие воспоминания, казалось, снова переживал всю горечь происшествий и не выражал желаний продолжать разговор.

Вдруг странный шум, разнесшийся по селению, привлек внимание обоих спутников, которые быстро оглянулись. Они заметили на равнине, простирающейся вдоль правого берега Тибра, с верховья реки, густую тучу пыли; время от времени слышался шум, привлекавший их внимание, но они ничего не могли разобрать. Несмотря на это, Фелинис продолжал упорно всматриваться.

– Что ты видишь? – спросил Кермор.

– Ничего кроме вздымающейся пыли, но я слышу...

– Что?

– Не узнаешь ли ты в этом шуме рычания медведей наших лесов и вой волков наших стран?

– Действительно, – согласился старик.

– Что же это значит?

– Без сомнения, это дикие звери. Много раз я встречал их в этих местах, и не нужно обманывать себя: это скорее рев львов и тигров, и крик слона.

Два чужестранца скоро убедились в верности сво их предположений.

Шум приближался и свежий утренний ветер с вихрем вздымал тучи пыли.

Несколько минут спустя, старик и его товарищ заметили группу полуодетых африканских и азиатских невольников, сопровождавших несколько телег с клетками, внутри которых были расположены тигры, львы, пантеры, медведи, волки и другие дикие звери. Затем прибавилась еще группа невольников, везшая слонов, носорогов, быков, кабанов и других животных дикой породы.

Крики, рычание животных задавали такой концерт, который вселял в душу необъяснимый ужас.

При приближении этого отвратительного шествия, дрожь снова потрясла члены Кермора, черты лица его конвульсивно сжались; его дыхание со свистом вылетало из груди. Фелинис ничего не обнаружил, кроме удивления, смешанного с любопытством, но, заметив волнение своего спутника, он сказал ему;

– Ты боишься этих животных?

– Вид их пробуждает во мне старинные воспоминания и производит такое неприятное впечатление, что я не могу сдерживать себя.

И, помолчав с минуту, он добавил:

– Глядя на этих животных, в данный момент заключенных в хорошие и крепкие клетки, ты не можешь себе представить, Фелинис, какова их свирепость, когда их спускают с цепи на свободу, на арену, когда дикие крики толпы возбуждают еще более их кровожадные инстинкты. Что касается меня, то я был среди этих хищников; я чувствовал на своем лице их знойное, зловонное дыхание; их ужасные когти изрывали мое тело, их кровожадные зубы раздирали мои плечи. Если бы не мои железные мускулы, теперь ослабшие от старости, я не был бы теперь здесь, и тебя также не существовало бы.

– Ты боролся на арене? – спросил молодой человек.

– Да, два раза я мерялся с ними силами и два раза побеждал. Я проживу тысячу лет, но никогда не забуду эту ужасную борьбу. Для человека ловкого медведь, волк, бык – не опасные

противники при встрече в лесу или между снопами; но на месте, всего только в несколько шагов, без всякого убежища, человеку, вооруженному только плохим мечом, без лат, без каски и щита, трудно победить этих зверей. Борьба принимает ужасные формы.

– А... так эти животные предназначены тоже для римского амфитеатра?

– Да, эти и многие другие. Пожелаем себе не встречать их более.

– Это почему?

– Я верю в предчувствия, Фелинис, и эта злополучная встреча, у входа в Рим, кажется мне плохим предзнаменованием.

– Ты боишься встретиться с ними опять лицом к лицу?

– Я достаточно пожил и смерть не страшит меня, но я трепещу за тебя.

– Чего ты боишься?

– Я соединился с тобой для отважного предприятия. Если мы не будем иметь успеха, то, наверное, искупим нашу неудачу на зубах этих зверей.

– Я женщина что ли, чтобы бояться смерти?

– Я далек от мысли подозревать в тебе слабость. Я хорошо знаю, что в твоём, на взгляд худом и хрупком теле, ты заключаешь геройскую душу. Но ты забываешь, Фелинис, какие ужасные пытки изобретают эти римляне и на какую ужасную смертельную агонию обрекают они своих жертв. В последние годы Нерона я видел такие возмутительные вещи, что если рассказывать о них, то у тебя волосы станут дыбом на голове. Нужно напрягать всю фантазию, чтобы представить себе страдания жертв.

– Как же они переносили это?

– С неподражаемой храбростью. Но надо быть слишком убежденным, чтобы иметь сильное и таинственное средство заговаривать себя от боли. Жрецы неба¹ знали этот секрет.

– Оставим печальные воспоминания и предчувствия, – сказал молодой человек. – Подумаем лучше о нашей цели: она удастся, если боги справедливы... Но что я вижу!

Кермор отвел глаза от диких животных, проводники которых, ускоряя шаги, достигли, наконец, города еще до пробуждения его обитателей, и перевел их по направлению жеста Фелиниса.

– Я вижу новый вихрь пыли, – сказал он после минутного наблюдения.

– Это, быть может, новая группа зверей?

– Твой глаз, пронзительный, как у орла, не ошибется, тогда как мой утратил свою ясность; взглядишь в тучу поднимающегося перед нами пыли.

Фелинис повиновался. Спустя минуту, лицо его омрачилось и тень беспокойства, которая не скрылась от старика, отразилась и на его лице.

– Что заметил ты? – прервал его Кермор.

– Свет рассекает вихрь песка; щиты, каски, латы, мечи блеснули на солнце; в довершение всего, развеваются проклятые римские знамена, эти золотые орлы, знакомые всему миру.

Выражение гнева и волнения промелькнуло по лицу старика.

– Несчастье для нас! – вскричал он: – это войско римлян. Почему оно въехало в город в одно время с нами? Мне не нравится это!

– Не будем обращать внимания на это безразличное, само по себе, обстоятельство; к тому же, если ты думаешь, что легион идет в Рим, то вот доказательство совершенно противоположного...

Фелинис сказал правду, в чем его спутник немедленно убедился. Отряд солдат, войдя в более отдаленные ворота, пошел к морю.

– Легион идет в Остию, – сказал Кермор; – Но не ошибаюсь ли я? Не десятый ли это легион?

– Десятый или первый, не все ли равно?

¹ Старик подразумевал христиан.

– Далеко не то же, – сказал старик, покачив головою; – Десятый легион самый лучший. Гляди: он состоит из старых солдат, крепкого, как железо, телосложения, со шрамами на смуглых лицах. Какой отличный отряд! Какая сильная дисциплина! Они готовятся проходить римские ворота. Это излюбленная дорога войска, и никто между ними не прерывает молчания ни словом, ни жестом.

Замечания Кермора были справедливы.

Бесчисленные сотни римлян были теперь все на виду и приближались к Тибру, проходя одна за другой перед глазами чужестранцев с удивительной правильностью. С мужественными лицами, блестящими гербами, безупречной выправкой, легион шел вперед быстрым и мерным шагом, хотя он, видимо, двигался всю ночь.

Среди легиона находился и начальствующий, имевший знаки и чин, более высокий, чем народного трибуна. Это был человек среднего роста и благородного вида, насколько можно было судить на расстоянии, разделявшем Кермора и Фелиниса от отряда.

– Если глаза мои не обманывают меня, то я узнал начальника этого легиона.

– Как его зовут?

– Ацилий Глабрио. Я часто видывал его, когда-то; это был молодой патриций, много обещавший в будущем, он сделался консулом, что доказывают знаки его достоинства. Он, наверное, управляет провинцией или командует пограничным войском.

Старик умолк, продолжая следить глазами за войском пока оно не исчезло в римском предместье, на триумфальном мосту. Группа проводников, везших диких животных, предназначенных для амфитеатра, скрылась совсем из виду, и ничего не было видно, кроме клуба пыли, который они оставили за собою.

Кермор и Фелинис продолжали свой путь и спустились на равнину, где ряд деревьев и изгородей скрывали берега реки, воды которой текли невдалеке. Начинало, наконец, показываться селение: слышались голоса рабов, принявшихся за вспахивание земли; там и сям проходило несколько носилок, колесниц; пение моряков доносилось с Тибра.

Два чужеземца без всяких предосторожностей продолжали свой путь.

Вдруг ужасный крик, сопровождаемый глухим ревом, достиг до их слуха. Вслед затем на равнину вбежали во всю прыть лошади с колесницами и рабы.

Кермор спросил одного из бегущих о причине этой паники.

– Дикие звери вырвались и разбежались, – отвечал коротко раб, продолжая бежать.

– Страх помутил рассудок этого негодяя, – сказал сабинский крестьянин, удалявшийся менее поспешно. – Вырвался всего только один бык, но он может нанести много вреда.

– Где же он? – спросил Фелинис.

– Он на другом берегу реки, где ты его и можешь видеть, если ты так храбр; но мне кажется более благоразумным избежать встречи с ним.

И крестьянин стал искать убежища.

Вместо того, чтобы последовать его примеру, Кермор и Фелинис, перепрыгнув через изгородь, очутились на берегу реки. Им представилось следующее зрелище: правый берег Тибра был пустынен, равно как и левый, на котором находились Кермор и Фелинис. Но шагах в ста от них они заметили женщину, убегающую в смятении. Она была стройна и величественна, элегантное платье доказывало ее принадлежность к привилегированному сословию.

Присутствие ее в подобном месте и в такой час казалось странным; на ней был широкий плащ, богато тканый; его фон, ярко-малиновый, был расшит дивным рисунком.

Она была одна, – вещь почти неслыханная в жизни римлян, для женщины-патрицианки, какую она казалась. Старик и его товарищ быстрым взором окинули местность, готовясь поразить животное, предмет общей паники, как вдруг раздался ужасный рев.

Два чужеземца взглянули на Тибр и заметили огромную волну. Она шумно разбивалась и среди пенящихся волн показалось ревушее животное.

Это был один из самых сильных и ужасных быков, которых когда-либо производила Иберия. С длинными и сильными рогами, обрамляющими его лоб, ворочая своими страшными глазами, выдувая, казалось огонь из своих ноздрей, он рассекал волны копытами; круп его, голова и все тело выделялись из воды, все было покрыто грязью и придавало ему вид еще более ужасный. Суеверный язычник принял бы его за бога реки Тибра. Рев его раздавался так ужасно, что все беглецы принялись искать убежища, кто где мог.

Бык приближался к берегу, невдалеке от описанной нами женщины, красный плащ которой приводил его в бешенство.

С трудом выйдя из воды, он встряхнулся, уперся рогами в землю и поднял целые тучи песку своими копытами. При виде чудовища, римлянка вскрикнула.

Вдруг она увидела Кермора и Фелиниса. Приняв в смятении их за знакомых, она вскричала вне себя: «Азаэль, это ты? Спаси меня, мой добрый слуга!»

И она сделала попытку направиться к ним, но дикое животное, преследовавшее ее, стремительно бросилось к ней.

Услышав призыв несчастной, Фелинис вынул кинжал с узким и острым лезвием.

– Ты не хочешь спасти эту женщину? – спросил он Кермора.

– Разумеется, нет, – отвечал старик.

– Но она погибает!

– Тем лучше! Спаси ее – благодеяние, а оно должно быть только не для римлянки.

Кермор сказал это жестоко и злобно и спокойно полез на дерево, чтобы присутствовать с большим удобством при предстоящей ужасной драме.

Молодой человек с минуту колебался, глядя поочередно то на своего непоколебимого товарища, то на женщину, то на быка.

Наконец, не справившись с чувством сострадания, он решился не допустить гибели беглянки, которая, потеряв надежду избежать своего врага, упала на колени, сложила руки и ждала смерти с удивительной покорностью.

– Я спасу ее, – вскричал Фелинис.

– Во имя неба, – сказал Кермор, – не рискуй своею жизнью из-за римлянки.

Но молодой человек не слушал его. Он, как стрела, помчался вперед и через несколько мгновений был около страшного зверя и его несчастной жертвы. Бык, очутившись около распростертой женщины, сорвал уже с нее плащ. Он готовился ударить рогами патрицианку в тот момент, когда Фелинис, подскочив к быку, смело схватил его за рога и, встряхнув его голову, как тряпку, заставил отступить назад.

Это неожиданное нападение еще более привело в ярость быка; потрясая своею могучею головою, он встряхнул молодого человека, продолжавшего держать его за рога; но вдруг Фелинис отпустил рога, обвился вокруг его шеи и прыгнул на спину; потом, протянув вооруженную кинжалом руку, ударил его в сердце. Со страшным ревом боли животное упало. Фелинис совершил этот подвиг быстро и ловко, чего нельзя было предположить, взглянув на его нежное сложение. Стоя победоносно на земле, он с гордостью рассматривал быка. Его прекрасное лицо преобразилось, мужская гордость была видна во всей фигуре, его черные глаза ярко блестели, и вся поза выказывала его неукротимую энергию.

Постепенно обычное спокойствие снова вернулось к молодому человеку. Спасенная женщина привстала, утирая кровь, покрывавшую ее лицо.

Когда к ней подошел отважный победитель, патрицианка хотела поблагодарить его, но вместо того, чтобы выслушать ее, он побежал к реке и, зачерпнув немного воды в серебряную фляжку, которая всегда была с ним, вернувшись, протянул ее римлянке.

Она вымыла лицо, и Фелинис убедился, что она легко ранена в правый висок.

В это время, три человека, задыхаясь от ужаса подбежали к раненой и вскричали в один голос – Ты ранена?

– Нерей, Ахилл, я избегла, действительно, большой опасности; но я спасена вот этим храбрым чужеземцем.

Она хотела указать им на молодого человека, спасшего ее от неминуемой гибели, но Фелинис, не дожидаясь благодарности, уже возвращался к своему спутнику, ожидавшего его под деревом, с которого он только что спустился.

– Идем отсюда, – сказал Кермор Фелинису, – мы слишком задержались здесь, а у нас мало времени.

И оба чужеземца направились к городу.



Случайная встреча

Две недели спустя после описанных событий оба чужеземца, Кермор и Фелинис следовали по той же дороге, на которой мы уже видели их, из Альбы в Рим. На этот раз дорога была малолюдна: не было на ней ни войск, ни караванов. Встречались только редкие поселяне из окрестных деревень.

День еще только начинался, жара еще не наступила, было само время для путешествий и прогулок по живописным окрестностям Вечного города.

Путники решили немного отдохнуть и обсудить свои дальнейшие планы. Для этого они сошли с дороги и укрылись под деревьями, росшими по обеим ее сторонам.

Примерно в то же время и тоже в сторону Альбы из Рима двигались носилки, которые несли на своих плечах дюжие носильщики. В таких носилках обычно передвигались знатные римляне. Их сопровождала группа слуг или рабов.

Действительно, в носилках находились один мужчина и две женщины, судя по их одежде, принадлежащих к патрицианскому сословию.

Мужчине на вид было лет сорок, он был крепкого, сухощавого сложения, с открытым, приятным лицом. Рядом с ним сидела одна из женщин, видимо его жена. Несмотря на свой возраст, похоже, она была ровесницей своего мужа, она прекрасно сохранилась; лицо ее было приятно и производило глубокое впечатление.

Другая женщина была еще прекраснее. По всему можно было судить об ее добром сердце. Ей было лет двадцать девять-тридцать. Это была та самая римлянка, которую спас Фелинис; на ее правом виске был небольшой шрам – единственный след ранки, которую оставил ей дикий бык.

Взглянув в сторону в ту минуту, когда носилки свернули в лес, простирающийся вдоль дороги, Флавия удивленно вскрикнула и указала своим спутникам на двух остановившихся между деревьями незнакомцев.

– Климент, Домицилла, – сказала она, – вот тот молодой человек, которому я обязана жизнью.

Это были, действительно, Фелинис и Кермор.

– Ты, разумеется, хочешь поблагодарить его за самоотвержение, которое он выказал, спасая тебя? – спросила жена Климента, которую, как и племянницу, звали Флавией Домициллой.

– Да, конечно. Сам Бог навел его на наш путь, лично я уже потеряла надежду найти его.

– Твое чувство мы вполне одобряем и со своей стороны готовы засвидетельствовать твоему избавителю искреннюю благодарность.

Улыбка признательности мелькнула на губах Флавии...

– Однако, – добавила Домицилла, – я не могу себе представить, чтобы этот хрупкий на вид молодой человек мог победить, как ты рассказывала, ужасного быка.

– Но это так; вот доказательство: я жива еще, – отвечала Флавия.

– И слабого из своих созданий Бог наделяет великой силой, – заметил Флавий Климент. – Я позову его, потому что я тоже, как вы, хочу его видеть.

Произнеся эти слова, знатный римлянин, племянник Веспасиана и двоюродный брат Домициана, в то время правителя империи, обратился к идущему около носилок слуге и сказал ему:

– Иди и приведи этих двух чужеземцев, которых ты видишь у опушки леса.

Слуга повиновался.

Между тем, Кермор и Фелинис, заметив носилки, на которых были Климент и его спутницы, удивились не менее, чем эти римляне. Увидев Флавию, молодой человек прошептал:

– Вот женщина, которую я спас.

– Это невозможно, – отвечал старик. – Та, которую ты спас, была простая римлянка, тогда как эта, несомненно, патрицианка.

– Клянусь жизнью, это она; я тотчас узнал ее, – отвечал Фелинис, с удивлением глядя на племянницу Климента и на Домициллу.

Видя сомнения старика, он добавил:

– Погляди на шрам, с трудом заживший на ее правом виске. Это тот самый, который ей нанес бык своим рогом.

– Странно! – сказал Кермор: – значит, спасенная тобою женщина патрицианка. В таком случае, лучше было бы оставить ее на растерзание диким животным.

– Почему?

– Потому что, – отвечал старик с горечью, – даже в лесу нет животных, более кроваво-жадных, чем благородное сословие Рима. Твоя семья и я сам хорошо испытали это. Но мне кажется, что носилки идут по направлению к нам.

– Слуга, действительно, направляется в нашу сторону у.

– Не будем ждать его; мы кончили все наши дела в Альбе; теперь вернемся в город и остережемся от всяких сношений с этими вероломными патрициями, от которых происходят все наши несчастья.

И Кермор отправился в путь. Фелинис последовал за ним с некоторою медленностью и как бы с сожалением.

Но слуга быстро бежал за ними.

– Гей! – закричал он им, – остановитесь, мне нужно вам сказать...

Но на его призыв не последовало никакого ответа. Слуга побежал и скоро догнал двух чужеземцев.

– Моя благородная госпожа, – сказал он старику, – надеется, что вы подойдете к ее носилкам, дабы она могла, наконец, поблагодарить вашего раба за самоотверженную услугу, которую он оказал ей.

– У нас нет времени, – отвечал Кермор.

– Вы, как я вижу, – отвечал слуга, – не знаете, какое значение имеют особы, пославшие меня.

– Разве я не свободен, как они, действовать по моему желанию? – спросил вспльчиво старик.

– Это правда, но, тем не менее, я думаю, вы не раскаетесь, исполнив их желание.

Кермор хотел еще энергичнее отказаться, когда Фелинис шепнул ему на ухо:

– Благоразумие говорит мне, что нужно принять это предложение. Упрямо отказываться, это значит обратить на нас внимание, а быть может, и подозрение.

– Ты столь же умен, сколько и храбр, – сказал старик, быстро сообразив. – Пойдем, посмотрим, какой прием окажут они нам.

И два чужеземца подали знак слуге о своей готовности следовать за ним. Тот, обрадованный вернулся к носилкам. Климент и его спутницы улыбались молодому рабу, и Флавия готовилась уже заговорить с ним, но вдруг страшный шум в лесу привлек их внимание.

– Что там такое? – спросил Климент своих слуг.

– Император на охоте, – отвечали они, – Возможно ли? – быстро спросили две матроны.

– Он не замедлит появиться: его свита показалась между деревьями.

– Это удивляет меня, – сказал Климент. – Цезарь находит охоту очень утомительной и он редко соучаствует в ней.

– Однако, это действительно он, вот он выходит из-за лесу, – сказали слуги.

И они не ошиблись: Домициан сделал усилие, преодолел свою апатию и, покинув дворец, отправился на охоту.

Множество оленей, преследуемых бесчисленной стаей собак, промчалось мимо носилок; затем множество охотников и загонщиков пешком и на лошадях въехало в деревню.

Наконец, показался сам император на отличном коне, окруженный семью или восемью офицерами. Заметив его, Флавий Климент, его жена и племянница быстро спустились с носилок и пошли к нему навстречу.

– Наши сыновья с цезарем? – спросила вполголоса Домицилла.

– Да, – отвечал Климент, – они идут с императором, который заметив нас, направляется в нашу сторону.

– Слава Богу, – сказала Домицилла, – мы будем иметь счастье разговаривать с ними хоть одну минуту. Увы! это счастье редко выпадает нам!

Между тем Кермор и Фелинис, отступя немного в сторону, с интересом следили за происходившим. Молодой раб с любопытством искал императора среди охотников и попросил старика указать его.

Горькая улыбка появилась на губах Кермора, и, указывая своему спутнику на высокого человека, он сказал:

– Вот тиран Рима и всего света, вот Домициан!

И через минуту добавил презрительно:

– Вглядиись внимательнее: это создание, опьяненное неограниченной властью. Когда я его видел в последний раз, ему было девятнадцать лет. Это был замечательно красивый молодой человек, с благородной выправкой и хорошими наклонностями. Теперь, в сорок пять лет, он преждевременно состарился, сторбился. Посмотри, как у него выдается живот, какие тонкие, сухопарые ноги. Голова его оплешивела еще более, чем моя, глаза гноятся, на лице нет ни красоты, ни приятности, оно пожелтело от желчи, которую он напрасно хочет скрыть под слоем румян. Слабость, подлость, разврат, жестокость видны во всем его существе. И гнет этого человека выносят презренные римляне!

Выражение глухой ненависти, отразившееся во взгляде Кермора, передалось и его спутнику. Он с гневом устремил взгляд на сына Веспасиана.

Император, доехав до Клавдия Климента, сошел с лошади.

– Какая утомительная поездка! – вскричал он, спрыгнув с лошади! – Клянусь Юпитером! Я охотился в последний раз. Это столь восхваленное удовольствие хорошо только для дураков.

Климент, который состоял консулом при императоре, приблизился и, почтительно склонившись, взял руку повелителя и поцеловал ее. Затем он ответил:

– Да, цезарь предпринял тяжелый путь!

– Не думаешь ли ты, что я не могу выследить оленя или дикого зверя? – спросил подозрительно Домициан – Я вовсе этого не думаю, государь. Я удивляюсь, напротив, с какой легкостью ты выносишь усталость. Ты так же силен, как и в дни блестящей молодости.

– Куда ты идешь? – спросил император.

– Мы направлялись в сторону Альбы, чтобы приветствовать тебя, а затем насладиться свежестью и роскошью полей.

– А! Тебе нравятся окрестности моего города? – спросил император.

– Там очаровательно в это время года.

– Мне казалось, что с тобою была твоя жена и племянница.

– Я счастлив, цезарь, что они могут засвидетельствовать тебе свое почтение.

Женщины приблизились и тоже поцеловали руку Домициана. Исполнив свой долг, Домицилла попросила позволения обнять сыновей своих, что император милостиво разрешил; он сообразовал сам позвать их.

Два отрока, один двенадцати, а другой десяти лет, приблизились.

Правитель назвал одного из них Веспасианом, а другого Домицианом; не имея потомства, он почти усыновил их и хотел назначить своими наследниками. Оба брата бросились к

своей матери, которая прижала их к своей груди с неизъяснимой нежностью; но их воспитатель поспешил унять эти проявления чувств, ссылаясь на неприличие таких бурных порывов.

Наставник, делавший это замечание, был знаменитый декламатор Квинтилиан. В свою жизнь он не вводил тех прекрасных качеств, о которых писал. Его слова и манеры отличались от тех прекрасных наставлений, какие он давал другим в искусстве красноречия и декламации.

Домицилла, боясь выражать свои материнские чувства, отступила на шаг от двух молодых принцев. В это время Домициан, поговорив с минуту с консулом Климентом, готовился сесть на лошадь, когда человек с хитрым и вероломным лицом, находившийся около императора, сказал ему несколько слов на ухо.

Повелитель, выслушав его снисходительно, кивнул утвердительно головой и, улыбаясь, обернулся к Флавии.

– На самом деле, благородная Флавия, – начал он, я не обратил на тебя должного внимания и хотел уехать, не засвидетельствовав тебе своего расположения; но это нужно приписать заботам моего высокого сана. К счастью, Меций Карус напомнил мне, и я надеюсь, что ты будешь ему благодарна за это деликатное внимание.

Эти слова были произнесены голосом, который император тщетно старался сделать менее жестоким и суровым. Флавия Домицилла покраснела, смутилась и молчаливо поклонилась.

– Какая жалость, – добавил Домициан, – что ты обрекла себя на безбрачие! Кто получил такие чары красоты, тот не должен отказываться от супруга.

– Я не имею ни малейшего желания, государь, выйти замуж, – проговорила Флавия.

– Ты философ, моя очаровательная родственница, сказал саркастически император; – разные слухи ходят о твоём атеизме и твоём страшном суеверии; это не идет ни к твоему полу, ни к твоему высокому положению.

Флавия Домицилла слегка побледнела при этих словах, сказанных с явной целью застрашать ее.

– Но это клевета, которой я ни минуты не верил. Однако, пусть это послужит тебе предостережением, потому что родственник цезаря, а тем более женщина, не должна быть подозреваема.

Благородная римлянка продолжала хранить молчание, а Домициан продолжал:

– Меций Карус доказал мне твою правоту и даже более: по моему повелению, он наказал виновников этих слухов, как они и заслуживали. Ты этим ему обязана, и, через несколько дней, ты засвидетельствуешь ему, в чем я не сомневаюсь, свою благодарность.

Меций Карус, казалось, был в большом фаворе у императора. Заметя волнение молодой патрицианки он поспешил переменить разговор.

– Досадно, благородная Флавия, что ты не присутствовала на императорской охоте; ты бы удивилась верности выстрелов нашего императора и бога².

– Да, клянусь Палладой, сожалею, что ты не участвовала в ней, – сказал Домициан. – Я пронзил бегущую в шестидесяти шагах от меня лань со всей ловкостью.

– Ты забываешь, император: это кабан, в лоб которого ты так удачно попал двумя стрелами, что можно было принять их за рога.

– Никто не станет удивляться этому, – сказала Флавия; – весь свет знает о необыкновенной ловкости цезаря.

– Это правда, что я стреляю хорошо, – сказал самодовольно император. – Ты не можешь себе представить того взрыва одобрения, которым меня наградили охотники; но я еще убил на лету фазана, и никто не похвалил меня за мою ловкость. Я сержусь!

– Может быть, представится еще случай, цезарь, который мне позволит судить самой о твоей ловкости.

² Домициан желал, чтобы его официально называли этим двойным титулом.

Домициан, как и Нерон, жаждал славы и одобрений и был неподражаемо хвастлив. Желая показать родственнице свою действительно замечательную ловкость, он сказал:

– Я не уеду так, Флавия, не доказав тебе, что мне не льстят. Но я не вижу ни одной лани и даже ни одной птицы: они далеко.

– Может быть, в другой раз явится более удобный случай!?

– Нет, нет; я хочу сегодня заслужить твое удивление и твою похвалу. Меций Карус найдет мне возможность.

– Увидим, – сказал фаворит, оглядывая все кругом себя: – неужели тут нет ни одного раба?

– Я в том уверен, – сказал Домициан; – ты знаешь, что я никогда не беру с собой этих негодяев на охоту. Что Флавия Климента и его племянницы, то им прислуживают только наемные слуги.

Император говорил правду: с консулом рабов не было, а Домициан, из недоверия, не брал их на охоту. Меций Карус затруднялся найти предмет, куда бы цезарь мог направить свои стрелы. Но вдруг луч радости мелькнул на его лице: он заметил Фелиниса, стоявшего около Кермора, в почтительном отдалении от них, и следившего за всем происходившим.

– Клянусь Геркулесом. Вот возможность!..

И он показал на молодого чужеземца. Четыре человека из императорской свиты отделились, подошли к Фелинису, схватили его, без всякого сопротивления, и подвели к цезарю.

– Клянусь Палладой! – сказал император, часто призывавший в свидетели свою любимую богиню³: – клянусь ею, мой дорогой Меций, – этот раб очарователен и походит на женщину.

Фелинис при этих словах вздрогнул от гордости и гнева; его толчок передался державшим его так, что они чуть не выпустили его из рук. Ничего не замечавший Домициан продолжал:

– Иди, Меций, укажи ему место и позу, которой он должен держаться.

Фаворит повиновался, а Кермор, приблизясь, с беспокойством сказал, возвысив голос:

Что ты хочешь сделать с этим молодым человеком?

– Все, что вздумает цезарь, наш император и наш бог, – отвечал Карус: – ты ничего не имеешь, я думаю?

Ты ошибаешься, распоряжаясь моим рабом без моего разрешения.

Меций пожал плечами и хотел возразить, когда император подошел к ним.

– Что такое? – спросил он.

– Этот человек, – сказал фаворит, – говорит, что ты не имеешь права распоряжаться его рабом. Его акцент указывает на его иностранное происхождение, и нужно, государь, объяснить ему, что земля и все живущее на ней принадлежат цезарю.

Домициан мрачно нахмурил брови.

– Как очутились этот человек и его раб на моей дороге?

– Спросите вот эту даму, – вскричал Кермор, указывая на Флавию.

Климент, находившийся около племянницы, приблизился с нею к императору.

– Цезарь, действительно, мы задержали этого старика и его товарища.

– Но знаете ли вы их, кто они?

– На днях этот раб спас Флавию, убив ужасного быка, который ее преследовал.

– Что вы хотите сделать с этим человеком?

– Мы хотели поблагодарить его.

Как? Благодарить раба? – вскричал Домициан презрительно.

– Он выказал столько храбрости и самоотвержения!

– Он кажется таким ничтожным.

³ Домициан объявил себя сыном Паллады, обновив в честь ее храм и построив много новых, посвященных ей же.

– Наружность обманчива, а его отважность необычайна, в чем я и свидетельствую, – сказала Флавия.

– Это меня радует: он не будет дрожать, и мои выстрелы будут вернее. Пусть он займет позицию.

– Цезарь, – сказала благородная римлянка, пощади его!

– Ты слишком интересуешься этим молодым человеком, – сказал изумленно император.

– Он жертвовал своею жизнью, спасая мою.

Домициан расхохотался.

– Какую же большую награду может получить этот раб, как не честь послужить мне? Конечно, римлянина было бы труднее вознаградить такой наградой!

– К тому же, – сказал Меций Карус, желая успокоить Флавию, – будь уверена, благородная Домицилла, что цезарь не так владеет стрелой, чтобы ранить этого молодого человека.

– Конечно, – сказал император, – если бы был здесь ребенок из Альбы, он засвидетельствовал бы, что, благодаря своей ловкости, я никогда не причинил никому даже царапины. Не бойся, моя дорогая родственница!

Флавия, Домицилла и Климент молчали, но Кер мор, который ничего не понимал, снова спросил:

– Что сделал худого мой раб и почему вы его задерживаете?

– Ты глух, старик? – спросил один вольноотпущенник. – Разве ты не слышал, что он будет служить целью для стрелы цезаря? За эту честь ты должен на коленях благодарить императора.

– Как! – вскричал Кермор, – император хочет убить спасителя этой женщины? Но так худо не поступают даже с диким животным!

– Ты, однако, отлично знаешь, – сказал Меций Карус, – что раб вовсе не человек, а просто животное, мебель, наконец, вещь, с которой мы можем поступать по собственному желанию. Отойди!

– Раб в моих глазах такой же человек, как и человек другого ранга. Кто бы он ни был, но он мне дорог. Если нужно императору для цели человеческое существо, то я предлагаю себя для этого опасного дела.

– Я отказываю этому старику, – сказал Домициан. – Его хилая рука не может быть настолько тверда, и я промахнусь.

Кермор хотел протестовать. Климент и Флавия хотели еще попытаться, но император с нетерпением топнул ногой:

– Довольно, – сказал он свирепо. – Если эти дураки будут сопротивляться, я направлю стрелу им в сердце. Это самое лучшее средство кончить спор.

Родственники Домициана вздрогнули от этой угрозы, исполнить которую император мог не замедлить. Фелинис, до сих пор молчаливый и затаивший гнев свой в глубине сердца, приблизился к старику и сказал ему несколько слов на ухо:

– Сама судьба против нас. Уступим: страх не поможет нам.

– Я предчувствовал, что сношение с этими проклятыми патрициями нам снова принесет несчастье! – вздохнув, сказал Кермор.

– Ради наших интересов не сопротивляйся, – сказал молодой человек.

– Я это сделаю.

Все это было сказано вполголоса и на незнакомом языке. Фелинис, снова впавший в свое обычное бесстрашие, пошел к тому месту, которое указал ему Меций Карус, поднял руку и слегка растопырил пальцы. Фаворит, удостоверившись в том, что он готов и не дрогнет, улыбнулся и в то же время с сарказмом сказал:

– Я боюсь, что стрела императора, вместо того, чтобы пронзить твою грудь, пролетит мимо.

И, не обратив внимания на впечатление от своих слов, Меций вернулся к императору. Домициан, уверенный в своем искусстве, наложив стрелу на тетиву, старался привлечь внимание Флавии. Но благородная римлянка, бледная и взволнованная, была занята более рабом, чем цезарем.

Стрела мелькнула, и Флавия смертельно вскрикнула, на что ответом был гневный крик Кермора.

На губах Фелиниса была ироническая улыбка: он показал зрителям этой возмутительной сцены свою руку, по которой ручейком текла кровь. Стрела вместо того, чтобы пройти между пальцев, не тронув их, попала в кисть руки раба.

Однако, молодой человек не опустил руки, и охотники, находившееся около него, удивлялись ему. Это был промах императора или следствие того, что он находился на далеком расстоянии, или потому, что его глаз был менее уверен в присутствии Флавии.

Домициан, пораженный своей неудачей, раздраженно обратился к своему фавориту:

– Меций! – сказал он, – дурак этот или плохо держится, или хотел отразить мой удар!..

– Очень возможно, государь, – поспешил согласиться фаворит.

– Благородная Флавия, – сказал император, повернувшись к своей родственнице, – не сожалеете об этом негодяе. Если он ранен, то виноват сам в этом, потому что он потерял свою энергию и хладнокровие. Ребенок из Альбы и то не выказывает столько страха, и стрела всегда проходит между пальцами.

В то время как Домициан делал заключение относительно раба, последний, в противоположность словам императора, схватив лук одного из охотников, натянул его и, убив ласточку на всем ее лету, преспокойно вернулся на свое место.

Присутствовавшие не могли воздержаться от одобрения при виде такого доказательства ловкости, тем более замечательной, что молодой человек был ранен. Но император, впад в гнев, был так ужасен, что Флавия и ее родственники вздрогнули.

– Раб погиб, – прошептала благородная римлянка.

– Этот стрелок не имеет соперников в Италии, – сказал тихо Климент. – Он, должно быть, чужеземец и не признает наших обычаев, действуя так смело и решительно.

Домициан жестом подозвал одного из своих вольноотпущенников и отдал ему какие-то приказания. Тогда Флавия упала пред императором на колени, Домицилла и консул последовали за ней, упрашивая о спасении Фелиниса.

– Встаньте! – сказал строго Домициан, – родственники цезаря не должны унижаться.

– Не покушайся более на его жизнь, – просила Флавия.

– Я хочу, напротив, убить его, как собаку, – сказал жестко император.

– Оставь его жить, окажи нам свою милость, – просили обе матроны.

– Да, милостивый император, – сказал в свою очередь Меций Карус, – пощади его.

Фаворит заступился не из сострадания к Фелинису, но для приобретения расположения Флавии.

– Это и твое желание? – спросил удивленный Домициан, не ожидавший услышать слова снисхождения из уст своего фаворита.

Затем, не выслушав ответа Меция, он добавил с ужасным смехом:

– В самом деле, к чему ему погибать? Это было бы неблагоразумно, как будто я чувствую себя побежденным этим рабом, который только случайно попал в птицу на лету.

И, обратясь к Флавии, продолжал:

– Моя благородная родственница, будь довольна, согласный с советом Меция Каруса, я не обрекаю на смерть этого молодого раба, которым ты так сильно интересуешься, хотя он этого вполне заслуживает. Но прежде чем позволить ему удалиться, я хочу запечатлеть на нем неизгладимое доказательство моей ловкости, чтобы на будущее время он воздержался от подобного нахальства.

И, повернувшись снова к фавориту, император сказал ему:

– Притащите этого негодяя к дереву и привяжите его правую руку к стволу так, чтобы он не мог ею двинуть.

Меций Карус отдал должное приказание, и Фелинис, не сомневавшийся более в жестокости тирана, не сопротивлялся.

Домициан, натянув снова свой лук, сказал племяннице Климента:

– Гляди лучше на этот раз, Флавия. Я буду стрелять во второй сустав большого пальца.

Римлянка хотела остановить императора, но он не слушал ее. Целясь продолжительно и с большим старанием, он пустил стрелу, которая попала в назначенное место с удивительной точностью⁴.

Большой палец раба отделился от руки. Все присутствовавшие, исключая Климента и его спутниц, выказывали удивление. Меций Карус сильнее других выражал восторг от такой ловкости.

Удовлетворенный тиран улыбался.

– Квинтилиан, – сказал он, – ты можешь описать это в своих сочинениях; урок, данный мною, красноречивее всяких доказательств!

Фелинис вскрикнул от гнева и отчаяния, Кермор пришел в негодование.

Домициан смеялся, видя страдания этого несчастного человека, искалеченного навсегда и лишённого возможности стрелять из лука.

– Прощай, – сказал он Флавии, – теперь ты знаешь, как я верно бью в цель. Я возвращаюсь в Альбу более счастливым, заслужив твою приязнь.

Консул был принужден предложить свои носилки императору, уставшему и не замедлившему принять его предложение.

Влезая бесцеремонно на носилки, он посадил рядом с собою Меция Каруса, Квинтилиана и двух племянников, Веспасиана и Домициана. Он протянул руку Флавии и сказал:

– У меня есть относительно тебя один хороший проект, который мне очень нравится.

И не объясняя ничего более, он переглянулся с фаворитом.

⁴ Домициан был знаменит стрельбою из лука. Видели его, вблизи Альбы, стреляющим в сотни различных животных, в головы которых стрелы вонзались наподобие рогов; он также пускал стрелы между пальцами детей, которые служили ему целью, с поднятой рукою, и ни одна стрела не задевала их.



Перевязка раны

Как только император со своею свитой удалился, Климент послал одного из своих слуг в Рим за носилками, а сам вместе со своими спутницами подошел к двум чужеземцам, которые оставались еще на том месте, где был ранен Фелинис.

Раб стоял, прислонившись к дереву, а Кермор, обмыв раны своего товарища, перевязывал их лоскуточком материи.

Молодой человек, казалось, не утратил своей энергии, но на лице его отражались гнев и ненависть. Старик был еще более раздражен. При приближении Климента и его спутниц, он повернул к ним лицо, полное ненависти. Фелинис же, напротив, впал в свое обычное бесстрашие: он взглянул на Флавию, и светлый луч озарил его лицо.

– Старик, – сказал с волнением консул, – я с трудом могу передать вынесенное мною от всего происходившего впечатление.

– Вы – причина всему! – сказал жестко Кермор.

– Увы! – вздохнув, сказала Флавия, – глаза наши полны слез, но не в нашей власти было предотвратить это. О, если бы я могла предвидеть все происшедшее! Я никогда не утешусь, при воспоминании о ране, которую получил мой храбрый избавитель.

– Лучше было оставить нас в покое.

– Я имела добрые намерения, приглашая вас; я хотела сама поблагодарить этого несчастного молодого человека за его геройский поступок, который он выказал по отношению ко мне.

Эти добрые слова не тронули Кермора, Фелинис же, побежденный красотой и приветливостью римлянки, почувствовал к ней симпатию.

– Господин, эта благородная дама права: она не виновата. Не принимай так резко изъявлений ее благодарности.

– Хорошо, – ответил Кермор, уловив в его голосе сожаление. – Забудем ее происхождение, но неужели мы должны быть благодарны ей за то, что она нас не оскорбляет, после того как была причиной этого несчастья. Климент, с нетерпением выслушав эти слова, сказал:

– Ваше негодование несправедливо и вводит вас в заблуждение относительно нас.

– Обвиняй теперь нас же; это похоже на вас, патрициев!

– Я знаю, что вы возбуждены против нас, – сказал консул, – и понимаю это, но продолжаю говорить только из сострадания к этому молодому человеку.

– И что же?

– Ты любишь своего раба и принимаешь участие в его судьбе?

– Более, чем ты можешь предполагать.

– Хорошо! Я хочу за него предложить тебе кое-что.

– Говори, – сказал холодно Кермор, немного успокоившись.

– Я хочу, по мере возможности, отблагодарить его за спасение моей родственницы.

– Я слушаю тебя.

– Согласен ли ты продать его нам? – спросила его Флавия.

– Нет.

– Я вам предлагаю 30000 сестерций, – сказал Климент.

– Это, разумеется, сумма значительная, но она не удовлетворяет меня.

– Ты хочешь, может быть, 50000 сестерций? – спросила Флавия.

– Я не согласен и на это.

– 100000 сестерций?

– Нет!

– 200000?

– Нет.

– Ты очень требователен, – вскричала Флавия; – на эту сумму можно купить более 20 рабов, но чтобы доказать тебе, что я готова отблагодарить его, я предлагаю тебе 500000 сестерций.

– Если ты предложила бы мне 2.000000 сестерций, и то я не соглашусь, – сказал Кермор.

– Чего же ты желаешь за него? – вскричали в один голос Климент, Домицилла и Флавия.

– Я вовсе не хочу продавать его. Вы думаете, подобно всем римлянам, что за золото все можно получить. Знайте же, что я не придаю золоту никакой цены.

– Неужели золото так ничтожно, что не может помочь этому несчастному? – спросил консул.

– Тебе и подобным тиранам вселенной, – отвечал старик, – золото нужно для разврата и порабощения народов.

– Ты не совсем прав! – сказала Флавия. – На сколько я тебя поняла, ты думаешь, что мы хотим купить этого молодого человека, чтобы обратить его в своего раба. Ты ошибаешься: мы дадим ему свободу.

– Это трогает меня, потому что среди римлян это редкое явление.

– Ты согласен?

– Нет, я отказываю.

– Однако, ведь нужно же нам отблагодарить этого раба! – сказал Климент, раздражаясь.

– Разве с него не достаточно! – сказал с иронией Кермор, – за спасение жизни этой знаменитой римлянки, послужить целью для стрел цезаря, единственного бога, которому вы все поклоняетесь.

– Ты не прав, старик! – сказал Климент, – отвечая нам насмешками. Но знай же, этот молодой человек получит должную награду. Он будет свободен помимо тебя!

– Я его господин! – сказал Кермор спокойно.

– Я в этом и не сомневался. Но ты должен знать, что консул имеет власть отпускать рабов на волю.

– Ты консул?

– Да.

– Твое имя?

– Флавий Климент. Это – моя жена, а спасенная вашим рабом, Флавия Домицилла, моя племянница. Этого достаточно, чтобы ты решился удовлетворить нас.

– Мое решение непоколебимо! – отвечал старик.

– Значит, я могу действовать собственной властью?

Кермор окинул консула и его спутниц взглядом, полным гнева и ненависти, и сказал сурово;

– Вот, Флавий Климент, прикажите рабу моему покинуть меня, я ему это позволяю.

Консул обернулся к Фелинису и сказал:

– Раб, ты получаешь свободу, за цену, назначенную моею племянницей, которая и будет передана твоему господину.

– Я отказываюсь! – отвечал Фелинис с досадой.

Климент и его спутницы с удивлением глядели на него.

– Странные вы люди! – сказал консул. – Объясните нам, по крайней мере, что мы можем сделать для вас?

Но вместо ответа Кермор, взяв за руку молодого человека, сказал ему:

– Пойдем.

И они молча удалились.

– Какие необыкновенные люди. Я никогда не встречал подобных! – сказал Климент.

– Тут скрывается какая-нибудь тайна! – заметила Домицилла.

– Вот идут носилки за нами! – сказала Флавия. – Но я не могу так оставить этого молодого раба. Быть может, он и его товарищ ожесточились от несчастий или от вопиющих несправедливостей. Иначе они вняли бы разным доводам.

– Я не согласен с этим! – сказал консул.

– Увидим. Я пошлю Азаэля вслед за ними.

И римлянка, подзвав своего слугу, сказала ему.

– Азаэль, я знаю твою ловкость и благоразумие, сможешь ли ты выследить этих двух незнакомцев, не будучи ими замечен, и узнать, где они живут?

– Конечно.

– Так ступай же. И если ты выполнишь хорошо мое поручение, то я тебя хорошо отблагодарю.

Слуга отправился по следам Кермора и Фелиниса. Но вряд ли ему удалось бы укрыться от них, если бы они не были так заняты разговором.

– Я сразу догадался, что они принадлежат к проклятой породе Флавиев, которая погубила нас, – говорил Кермор.

– Эти догадки справедливы! – отвечал молодой человек. – Значит, консула зовут Флавием Климентом?

– Да, Тит Флавий Климент. Он второй сын брата императора Веспасиана, Флавия Сабина, убитого двадцать лет тому назад, женатого на Плавции, рожденной от брака Авла Плавция и Помпонии Грецины. Я его видал один раз, тогда он был еще юношей, вот почему я его не узнал сразу. Брата его я знал лучше, его звали Флавий Сабин.

– Что случилось с ним?.. Жив ли он?

– Нет.

– Почему ты это знаешь?

– Я узнал вчера. Мне сказали, не объясняя причин, что Домициан велел убить его двадцать лет тому назад. Члены этой презренной семьи пожирают друг друга!

– Кто жена Климента?

– Ее зовут Флавия Домицилла. Ее мать также называлась Домициллой, была дочь Веспасиана и сестра Тита и Домициана. Жена консула приходится племянницей императора. Когда я покидал Рим, ей было не более пяти лет.

– А Флавия... Кто она?

– Племянница Климента, как он сам сказал нам... Если память не изменяет мне, ее тоже зовут Флавией Домициллой. Она дочь сестры Тита Флавия Климента, Флавии Плавтиллы. Родилась она спустя год или два после моего бегства из города. Мать ее умерла немного позже. Это именно Флавия, спасенная тобою три дня тому назад, и была причиной твоего несчастья.

Фелинис сжал губы, и ненависть мелькнула в его глазах. Два чужеземца замолчали.

Три часа спустя после возвращения в город, господин и раб находились в комнате большого шестиэтажного дома.

Комната, довольно большая, была совершенно гола, за исключением нескольких стульев, на одном из которых сидел Фелинис. Повязка с руки была снята, и можно было видеть кровавые раны.

Старик Кермор стоял на коленях перед молодым человеком, напрасно стараясь остановить кровь и положить на раны правильную перевязку. Руки чужеземца тряслись. Его суровое лицо выражало тоску и ужас.

– Начальник нашего народа! – шептал он, – тебя ли я вижу в таком состоянии?

– Это ничего, Кермор. Но я бы был спокойнее, если бы сохранил свой палец, или, если бы эти раны не были получены от руки Флавиев. Мысль моя, что я спас женщину из этой проклятой семьи и был так позорно поражен главою ее, приводит меня в ярость. Неужели мы будем вечно жертвами этого ненавистного рода?

– Терпение! – сказал Кермор, – час мщения не замедлит настать.

– Да! – вскричал Фелинис, – час мщения настанет, я живу этой мыслью. Когда это исполнится, я могу спокойно умереть. С тех пор, как я познал несчастья, я жажду той минуты, когда погибнут наши враги. О, Кермор! какое наслаждение испытаем мы, омочив наши кинжалы в их крови!

Но скоро пылкие слова замерли на устах Фелиниса. Голова его опустилась на грудь и громкое рыдание вырвалось из его груди.

– Что с тобою? – спросил старик.

Молодой человек указал на свою изуродованную руку.

– Сын Масменоя, – сказал молодой человек, волнуясь, – похож был на пантеру, прыгающую между скалами и лесами. Никто лучше не стрелял из лука, никто, не боролся более отважно с врагом на мечях, с рогатиной побеждал диких зверей и никто, кроме него, не укрощал так легко самую дикую лошадь. Несмотря на его молодость и нежное сложение, никто не мог сравниться с ним ловкостью, проворством и силой. Кто похвастается победой над ним?

– Все это верно, – сказал Кермор.

– Увы! – продолжал молодой человек, – теперь сын Масменоя не воин более. Возрадутся враги; птицы будут свободно летать в воздухе, волки, кабаны и медведи будут опустошать стада, и некому будет помешать им в этом! Сын Масменоя отныне способен разве только плести ивовые изгороди или погонять быков.

– Господин, не предавайся таким мрачным мыслям, они подрывают твой дух!

– Оставь меня оплакивать мое горе. Человек с изуродованной рукой не может быть среди воинов. В особенности здесь, в этом проклятом Риме, не иметь возможности владеть ни луком, ни мечом!

– Фелинис, не говори так! – сказал старик. – Рана, которая обесчещивает глупого человека, желающего через нее освободиться от воинских трудов, становится символом славы для человека, получившего ее от своего врага, она вечно напоминает ему об ужасных ударах, которые он должен наносить, чтобы смыть свою обиду. Отомсти за себя! И когда ты появишься среди нашего народа, воины будут приветствовать тебя, а твоя изуродованная рука покажет им, чего тебе стоило добраться до врагов твоей родины и твоего племени.

– Я отомщу за себя! – сказал Фелинис.

– Господин, – возразил Кермор, целуя больную руку Фелиниса, – утешься; ты будешь в состоянии владеть оружием воинов. Правда, я не искусен в перевязывании ран, но они мне кажутся не опасными, и лишь бы только остановить кровь: вервены, священные омелы, которыми снабдили меня наши жрецы, хорошо помогают в этом случае. О, если бы Ардигал был здесь! Ты бы не страдал так!

– Он жил в Риме?

– Да, жил во время моего бегства из этого города, более двадцати лет тому назад! Он, наверное, умер теперь. Однако я поищу его. Бедный Ардигал, если он и жив еще, то очень дряхл. Один он может нас отвести туда, куда ты так страстно стремишься.

– Бог сохранит нам его, постарайся же найти его!

– Сначала я приглашу к тебе лекаря: твои раны должны быть перевязаны.

– Ты мне пригласишь римского лекаря?

– Все равно какого, главное, – чтобы ты выздоровел; время летит, а нам дорога каждая минута.

– Делай, как найдешь лучшим, Кермор.

– Господин, избегай всяких волнений, чтобы опять не пошла кровь; я скоро возвращусь. Сказав это, старик вышел через потайную дверь в глубине комнаты.

Едва он скрылся, как в комнатке появились две женщины; они были закутаны в широкие плащи.

Это были Флавия и Домицилла.

Азаэль хорошо исполнил данное ему поручение и узнал место пребывания двух чужеземцев.

Тотчас после прихода Азаэля, Флавия со своею родственницей и двумя слугами направились к указанному дому. Оставив слуг на дворе, они собирались уже войти в комнату чужеземцев, как услышали последние слова Кермора и были очень удивлены, когда старик назвал своего раба господином: они никак не могли объяснить себе такую перемену ролей. Тайна, которую они хотели узнать, сделалась еще непонятнее.

Очень возможно, что они бы не осмелились войти в комнату, если бы Кермор не удался. Суровый старик страшил их более его товарища.

При появлении двух патрицианок Фелинис вздрогнул; гнев и ненависть исказили его лицо. Он не тронулся с места и не произнес ни слова.

– Чужеземец, – сказала Флавия, – ты отказался от должной награды, которую мы предлагали вам, и не будем настаивать; но мы надеемся, что ты не отвергнешь нашу помощь: ты так нуждаешься в ней! Кровь течет из твоих ран, несмотря на перевязку.

Молодой человек горько улыбнулся и, протянув руку, сказал:

– Кто же искалечил меня, как не глава вашей семьи?

– Мы скорбим более всех о жестокости императора, – отвечала патрицианка. – Несмотря на наше с ним родство, мы также не в безопасности от его варварских капризов.

Фелинис молчал.

Флавия, став на колени, хотела взять руку Фелиниса, но он вскочил со стула и вскричал:

– У вас есть, несомненно, привычка заживлять раны, нанесенные вами же. Так откармливаете вы своих рабов для садков и гладиаторов для амфитеатра!

– Нами руководит сострадание к тебе и желание помочь твоему несчастью. Твое сопротивление и упреки не обижают нас. Ты должен очень страдать, а потому позволь нам наложить перевязку на твои раны: мы знакомы с этим искусством.

– Легче изуродовать, чем вылечить, – сказал молодой человек.

– Ты несправедлив к нам! Что худого сделали мы тебе? Разве могли мы предположить, что это случится?

– Цезарь кровожаднее всякого дикого зверя!

– Мы ужасно страдали за тебя, когда он так бесчеловечно поступил с тобою. Я никогда не забуду, что ты сделал для меня.

И она подошла к Фелинису, тронутому кротостью патрицианки; он протянул ей руку и сказал:

– Хорошо. Делайте, что хотите!

Флавия, при помощи Домициллы, обмыла раны, уняла кровь и положила на них уже приготовленную заранее, с удивительной ловкостью, перевязку. Фелинис был тронут этим поступком и с удивлением глядел на двух римлянок, близких родственниц императора, стоявших, как простые служанки, на коленях перед ним.

– Мне описывали патрицианок, – прошептал он, – как женщин без сердца, значит, меня ввели в заблуждение?

– Мы не можем хвалить себя, – отвечала Домицилла. – Однако мы доказали противное.

– Все, что выделаете – необыкновенно; женщины моей родины не согласились бы лечить раба.

– Все люди равны перед Богом, – сказала жена Климента.

– К тому же, – добавила Флавия улыбаясь, – ты не простой раб, потому что человек, которому ты, кажется, принадлежишь, назвал тебя господином.

Фелинис вздрогнул и нахмурился.

– Вы, значит, слышали наш разговор? – спросил он с беспокойством.

– Мы слышали только последние слова старика. Вы говорили о вашем народе; можно узнать, кто вы?

– Я не могу ответить на этот вопрос, – сказал молодой человек, снова впадая в свое обычное бесстрашие.

После нескольких вопросов, на которые Фелинис отвечал уклончиво, две римлянки, заметив целебные травы, оставленные Кермором, спросили его, что это такое, и чужестранец удовлетворил их любопытство. Домицилла и Флавия, прежде чем проститься с раненым, выразили ему еще раз свое участие и рассказали о своем местожительстве. Он проводил их до самой двери и, вернувшись, сел и задумался.

Кермор не замедлил возвратиться, врач должен был прийти вслед за ним.

Взглянув на молодого человека, он заметил его задумчивость, а также и отлично забинтованную руку.

– Тебя навели в мое отсутствие? – спросил он.

– Они открыли наше жилище, – сказал Фелинис.

– Кто они?

– Домицилла и Флавия.

– Неужели? – вскричал старик.

– Я тебе говорю.

– Ах, зачем меня не было здесь! Они расположили тебя в свою пользу?

– Их нежность, милосердие, приветливость меня тронули, я признаюсь, и ты можешь быть уверен, как и я, что они очень добры.

– Они не лишили тебя решимости? – спросил угрюмо Кермор.

– Отнюдь нет, хотя я и думал, что несправедливо преследовать невинных женщин за преступления отцов их или друзей.

– Фелинис, Фелинис, – сказал старик серьезно, – не доверяй тому, что ты увидишь в Риме, городе всевозможных соблазнов, вертепе всяких пороков и всякого вероломства. Будь всегда настороже против нежностей этих искусных сирен. Если твоя ненависть против Флавиев и наших других смертельных врагов когда-нибудь могла бы ослабнуть, тогда припомни, что я тебе покажу сейчас.

Порывистым движением он сбросил часть своих одежд. Его плечи, спина, грудь были исполосованы широкими глубокими рубцами.

– Смотри хорошенько! – продолжал он, сверкая взором. – Смотри – вот полосы, оставленные на моей коже кнутом римлян. Так они обращались с самыми славными начальниками кенимагетон, триновантов, силуров и многих других могущественных племен нашей родины.

– Довольно, – сказал холодно Фелипис, – Я этого не забуду!..

На Латинской дороге

При помощи перевязки, сделанной патрицианками, раны скоро зарубцевались. Но молодой и энергичный человек не любил отдыха и пренебрегал оставаться в жилище.

На следующий день после визита благородных римлянок, два чужеземца, покидая свое первое жилище, поселились в десятом квартале, где находился храм семьи Флавиев. Кермор переменил свое жилище, разумеется, для того, чтобы избежать новой встречи с женою и племянницей консула Климента.

На самом деле, эти две таинственные личности нуждались в жилище только для ночного отдыха, так как они весь день находились на улице. Они выходили из дома при первых лучах рассвета и возвращались поздно ночью.

Однажды, 6-го мая, Фелинис не пошел с Кермором, который вернулся в полдень, в сопровождении старика лет восьмидесяти, со следами от тяжелых работ, долгих страданий и незавидного существования. Он носил платье рабов; члены его были тверды и черты лица выражали такую же непреклонность, как и у Кермора.

Последний представил незнакомца Фелинису и сказал ему:

– Вот человек, которого мы так старательно отыскивали. Случай навел меня на него, и я привел его к тебе.

– Сердиган! – сказал раненый, поглядев внимательно на прибывшего.

– Он самый, – отвечал старик, – рад за себя, что вижу сына Масменоя.

Старик не мог говорить более; волнение пресекло его голос, слезы потекли по его грубому лицу, и он несколько раз поцеловал руки Фелиниса.

Кермор, наклонясь к уху Фелиниса, шепнул ему:

– Сердиган, как я и предполагал, знает место погребения; оно на Латинской дороге. Он проводит туда нас на склоне дня.

Часа за два до ночи, они вышли из дома, быстро прошли город и направились к Латинским воротам. Дойдя до обширной и круглой площади, находящейся перед воротами, они остановились перед большой толпой народа; они справились о причине этого сборища и узнали, что хотят наказать одного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.